

70

Казань. По следам Пушкина

В этом году
исполнилось

225 лет
со дня
рождения
Александра
Сергеевича
Пушкина
(1799–1837)

пешком
в историю

*Владимир
Урецкий*

В КАЗАНИ Александр Сергеевич был проездом в сентябре 1833 года. Это известный факт, но совсем недавно я узнал, что Пушкин собирался посетить наш город ещё в 1830 году. Свидетельство об этом случайно обнаружила в фондах Центрального государственного архива Москвы старший научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля – Светлана Бойко. В газете «Культура» № 32 (7695) от 20–26 августа 2009 года была напечатана статья «Тайна московской подорожной», где Бойко пишет о своей находке: «Листая тетрадь записей о “подорожных бланкетах”, я встретила ещё одно свидетельство, крайне интересное, от 27 июля 1830 года: “До Казани Коллежскому Ассессору Александру Пушкину с будущим (обозначает товарищ, попутчик, служитель при почтовой карете – В. У.) 2 лошади, 829 верст. 33 р. 16 коп”. А в последней графе – рукой самого поэта: “Подорожную получил коллежский ассессор Александр Пушкин”».

Такой знакомый почерк, такая характерная подпись! Я испытываю радость и одновременно недоумение: как это – «до Казани»? Известно, что в Казани поэт будет только в 1833 году – во время работы над историей Пугачёва. А в июле 1830 года, по всем имеющимся данным, Пушкин должен был быть в Петербурге. И пробыть там не несколько дней, как он писал Загоскину, а целый месяц – с 15 июля по 14 августа. Вяземский записал в своем дневнике: «14 числа утром приехали мы в Москву». Решив выяснить, где сейчас хранится этот документ, и увидеть его фото, я обратился за помощью в Государственный музей А. С. Пушкина, где получил интересующую меня информацию и номер телефона Светланы Бойко.

После нашей беседы Светлана Андреевна прислала мне сканы своей статьи, а также страницы из тетради записей о «подорожных бланкетах». Выяснилось, что документ хранится в Главвархиве Москвы как подорожная книга с записью о выдаче подорожной до Казани Пушкину летом 1830 года, с таким разъяснением: «У Пушкина 1830-й год стал годом разъездов, это было связано, в том числе, и с поиском денег на будущую женитьбу». К сожалению, этот документ вызывает много вопросов, начиная с даты, о которой уже было сказано, расстояния до Казани, чина поэта (в то время Пушкин имел чин X класса «коллежский секретарь», а не указанный им чин, который выше VIII класса).

Например, в записи «коллежский ассессор» могла произойти ошибка чиновника, а Пушкин, расписываясь в получении подорожной, вполне сознательно повторяет эту ошибку, которая могла ему ускорить отъезд. В своём незаконченном «Романе в письмах» Пушкин пишет: «Чины в России необходимость хотя бы для одних станций, где без них не добьёшься лошадей». Как писала Светлана Бойко в своей статье: «Конечно, это наш Пушкин! Но зачем и почему он едет в Казань? Когда он прибыл в Москву из Петербурга? Почему

так быстро вновь оказался в Петербурге? Вопросы, вопросы, вопросы».

Но вернёмся к истории посещения Пушкиным Казани с 5 по 8 сентября 1833 года и истинным причинам его приезда. Это событие вызвало и до сих пор вызывает разногласия среди краеведов и историков. В первую очередь датой приезда, местом проживания Пушкина, с какой стороны он въехал в Казань, по какой дороге выехал из неё...

Итак, уставшему от столичной жизни поэту нужен был отдых, заработок, уединение для творческих трудов, и продолжить сбор информации о восстании Пугачёва. Всё это стало причинами его путешествия по маршруту: Москва – Нижний Новгород – Чебоксары – Казань – Симбирск (Ульяновск) – Оренбург – Уральск – Болдино. Об этом поэт писал в своих письмах. В феврале 1833 года Александр Сергеевич пишет своему другу Павлу Воиновичу Нащокину (1801–1854): «...Нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде – всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения... Путешествие нужно мне нравственно и физически».

В другом письме, написанном 30 июля 1833 года Александру Николаевичу Мордвинову (1792–1869) – российскому государственному деятелю, управляющему III Отделением, Пушкин просит об отпуске и возможности посетить Оренбург и Казань: «Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия, но что делать? Они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге, где труды мои, благодаря государю, имеют цель более важную и полезную. Кроме жалования, определённого мне щедростью его величества, нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в

А. С. Пушкин.
(Ж. Вивьен. Карандаш, 1827)

столице дорогá и с умножением моего семейства умножаются и расходы. Может быть, государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать в деревне: это роман, коего большая часть действия происходит в Оренбурге и Казани, и вот почему хотелось бы мне посетить обе сии губернии».

В то время Пушкин был болен. С октября 1832 года его беспокоил ревматизм в ноге. Об этом есть свидетельство отца Пушкина: «Александр страдает ужасно. Снаружи нога, как нога: ни красноты, ни опухоли, но адская внутренняя боль делает его мучеником, говорит, что боль отражается на всём теле, да и в правой руке, почему и почерк нетвёрдый и неразборчивый. Не может он без ноющей боли ни лечь, ни сесть, ни встать, а ходить тем более». От постоянной бессонницы поэт сильно осунулся и по внешнему виду казался на 10 лет старше своего возраста.

В том же году Александр Пушкин был восстановлен в ведомстве Министерства иностранных дел – титулярным советником. Восстановлен как историограф, чтобы писать историю Петра I и других исторических личностей,

поэтому он имел доступ к архивным и секретным документам. Но Пушкина заинтересовал бунтарь Емельян Пугачев (около 1742–1775), и поэт решил написать о нём исторический труд. Так как все документы, связанные с бунтом Пугачёва, длительное время имели гриф «секретно», Пушкин под предлогом создания биографии генералиссимуса Александра Суворова (1730–1800), который конвоировал Пугачёва в Москву, попросил у Николая I позволения ознакомиться с материалами государственных архивов. Доступ был получен только к 36 документам, в ознакомлении с протоколами допросов Пугачёва и материалами следствия Александру Сергеевичу было категорически отказано. Одновременно с научно-историческим изображением Пугачёвщины возник замысел нарисовать ту же эпоху художественно, в виде романа или повести, так появилась «Капитанская дочка», над сюжетом которой в начале 1833 года он начал работать.

Из архивных документов Пушкин получал только одностороннюю информацию. Для более подробного и точного изложения событий он захотел лично осмотреть места, связанные с Пугачёвским бунтом, побеседовать с ещё живыми участниками и очевидцами тех событий. О чём впоследствии он напишет: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мёртвые документы словами ещё живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Александр Сергеевич начал добиваться отпуска на несколько месяцев для поездки в Казань и Оренбург. Этот вопрос решился только с личного дозволения императора Николая I, и Пушкин получил отпускное свидетельство № 2842 от 12 августа 1833 года. В свидетельстве говорилось: «что предьявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую

Вид Казанской крепости. (Рис. Э. Турнерелли, 1839)

губернии. В удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счётных дел с приложением печати». 18 августа 1833 года Александр Сергеевич начал своё путешествие, из которого в Петербург он возвратился в ноябре 1833 года, на месяц раньше срока истечения своего отпуска, не через четыре, а через три месяца.

Известно, что за образом жизни и поведением Александра Пушкина был учреждён секретный полицейский надзор. Ещё в юные годы поэт близко сходил с декабристами, посещал их собрания. С 1820 по 1823 годы он был в ссылке на юге в Бессарабии, а затем до осени 1826 года – в родовом имении, селе Михайловском. Возможно, это спасло его от каторги, как позже сам Пушкин признался императору Николаю I, будь он в Петербурге, то обязательно вышел бы 14 декабря 1825 года на Сенатскую площадь: «...все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них». В силу своего таланта Пушкин серьёзно влиял на умы граждан России. Они постоянно помнили о роли пушкинских стихов в декабристском

движении. Власть видела в нём своего серьёзного противника, а поэтому и принимала свои «контрмеры», необходимые, по её мнению, для нейтрализации и предупреждения его опасного влияния. Тем более, что он состоял в ведомстве Министерства иностранных дел, имел доступ к секретным документам и архивам. Поэтому за ним был учреждён секретный полицейский надзор. Во время пребывания Александра Пушкина в других городах губернаторам приходили соответствующие письма с требованием надзора. Именно такое письмо с большим опозданием пришло из Нижнего Новгорода на имя Казанского военного Губернатора в октябре месяце, когда Пушкин уже давно выехал из Казани.

Несмотря на это 17 октября 1833 года было заведено «Дело № 142», состоящее из двух листов. На одном из них был ответ Нижегородскому Военному Губернатору с указанием даты приезда Пушкина в Казань 6 сентября и его отъезда 8 сентября.

А в Казань Александр Пушкин въехал поздним вечером 5 сентября 1833 года на своей коляске, запряжённой

Бывший дом Перцовых, 1930-е. (Пушкина, 15)

почтовыми лошадьми. Одет он был «в сюртук, плотно застёгнутый на все пуговицы, сверху шинель с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа». По наплавному мосту он пересёк реку Казанку, проехал мимо Тайницкой башни Казанской крепости (теперь Казанский кремль) до почтовой конторы, которая располагалась на пересечении улиц Покровской и Театральной (ныне левая часть площади Свободы, дом № 31/7 по улице К. Маркса). В почтовой конторе Пушкин предъявил подорожную – письменное свидетельство, необходимое для проезда по почтовым дорогам империи. Подорожная выдавалась губернскими или уездными властями и удостоверяла, во-первых, личность, что заносилось в специальный журнал на каждой станции, во-вторых, возможность получить на почтовой станции зависевшее от чина и звания проезжающего определённое количество лошадей.

Почтовый служитель проверил подорожную, сделал запись в журнале и поставил уже наступившую к этому времени дату 6 сентября 1833 года, что противоречит дате указанной по-

этом в письме своей супруге Наталье Николаевне: «Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с пятого». Но именно сведения из почтовой конторы поступят на запрос Казанского губернатора для ответа на секретное письмо из Нижнего Новгорода «Об учреждении надзора за поведением известного поэта титулярного Советника Пушкина». И это письмо с указанием, что Пушкин: «прибыл в Казань 6 сентября и выехал из оной в Оренбург 8-го числа того же месяца», является единственным юридическим документом, подтверждающим его приезд в Казань.

Некоторые исследователи жизни и творчества Александра Пушкина утверждают, что поэт, прибыв в Казань, поселился в гостинице Дворянского собрания, разместившейся в правом корпусе трёхэтажного дома купца Ивана Дряблова в Петропавловском переулке (теперь это улица Рахматуллина, дом 6). Именно в этой гостинице Пушкин случайно встретил своего друга, поэта Евгения Боратынского (1800–1844), с которым познакомился в Петербурге в конце 1818 года, который якобы тоже остановился там. Как аргумент приво-

дят строки из того же письма Пушкина своей жене от 8 сентября: «...Здесь Боратынский. Вот он ко мне входит...». Но это письмо было написано рано утром, перед самым отъездом из Казани в Симбирск, и написано не в гостинице, а совершенно в другом месте. Трудно представить себе, чтобы Евгений Боратынский пребывал в гостинице, имея в Казани роскошную усадьбу своего тестя, генерал-майора Льва Николаевича Энгельгардта (1766–1836). Причём друг Пушкина – Боратынский всегда сообщал своим друзьям адрес этой усадьбы как свой. Старший сын поэта Лев Евгеньевич Боратынский вспоминал: «Мой отец, бывая в Казани, неподалёку от которой было расположено имение его тестя Льва Николаевича Энгельгардта, останавливался в доме тестя». Поэтому после регистрации в почтовой конторе Александр Пушкин едет не в гостиницу Дворянского собрания, а на Грузинскую улицу (сегодня на этом месте – на улице Карла Маркса, 59 – стоит жилой дом, постройки 1930-х годов) и останавливается в доме Льва Энгельгардта. Именно там он случайно встречается с Евгением Боратынским, приехавшим в Казань в конце августа по своим делам и проживающим в доме своего тестя.

Важный документ о пребывании Пушкина в Казани оставила Александра Фукс, урождённая Апехтина (1788–1853), поэтесса, хозяйка литературного салона, в котором выступали известные казанские и московские поэты её воспоминания были опубликованы в № 2 «Казанских губернских ведомостей» за 1844 год. Первоначально это было письмо, написанное Александрой Андреевной подруге Елене Николаевне Мандрыкиной, которая после смерти Пушкина желала узнать подробности знакомства поэта с Фуксами. В письме приводятся детали встречи и беседы с Александром Сергеевичем вечером 7 сентября 1833 года. Именно в тот день они с мужем Карлом Фёдоровичем Фуксом (1776–1846), медиком, ботаником, этнографом, историком, археологом, профессором Императорского Казан-

ского университета, принимали Александра Пушкина в своём доме, на углу Сенной площади и Поперечно-Тихвинской улицы (сегодня это дом № 58/5 на углу улиц Галиаскара Камала и Московской). О приезде Пушкина в Казань Александра Фукс узнала от Евгения Боратынского, который 6 сентября 1833 года, после встречи с Пушкиным пришёл с ней попрощаться, так как на следующий день собирался уезжать из города. Александра Андреевна пишет: «7-го сентября, в 9 часов утра, муж мой ездил провожать Боратынского, видел там Пушкина, и в полчаса успел так хорошо с ним познакомиться, как бы они уже долго жили вместе». Это ещё одно подтверждение что Боратынский и Пушкин не жили в гостинице. Карл Фукс приезжал провожать Боратынского в дом Льва Энгельгардта. Но Боратынский за ночь передумает и отложит свой отъезд из Казани, а съездит на один день в село Каймары, в имение своего тестя находящееся в 20 верстах от города и возвратится назад. Оно и понятно – в кои-то веки его друг Пушкин в Казани, как можно проигнорировать это событие?

Ещё одно упоминание о месте проживания поэта в Казани – это воспоминания племянника писателя Эраста Перцова (1804–1873) – поэта-сатирика, переводчика и драматурга, с которым Пушкин познакомился в Петербурге в 1827 году – Петра Петровича Перцова. Он писал: «Пушкин «стоял», как тогда выражались, в доме Льва Николаевича Энгельгардта, тестя поэта Боратынского на Грузинской улице, дом этот давно сгорел...» (Это произошло в конце 50-х годов XIX века.) Об этом Пётр Петрович слышал от своего дяди и отца, также принимавших Пушкина в своём доме.

Вещественный свидетель пребывания Пушкина именно в доме Энгельгардта сохранился до сих пор – это стол-бюро, который сейчас украшает композицию в Доме-музее Боратынского (располагается на ул. Горького, 25). По словам сотрудников музея, в списке вещей Ксении Боратынской, внучки Ев-

Е. А. Боратынский, 1840-е. (Литография А. Мюнстера с картины NN)

гения Боратынского, он значился как «пушкинская конторка», потому что за этим столом, по семейному преданию Боратынских, поэт работал в Казани. Возможно, здесь Александр Сергеевич написал письмо своей супруге Наталье Николаевне 8 сентября 1833 года, перед самым отъездом из Казани. Несколько фраз из того письма, о которых уже упоминалось, и вызвали разногласия у биографов Пушкина и краеведов.

В своих воспоминаниях Александра Фукс пишет, что после общения с её мужем в «гнезде» Льва Энгельгардта «Пушкин ездил тройкою на дрожках один к Троицкой мельнице по сСибирскому тракту за десять вёрст от города; здесь был лагерь Пугачёва, когда он подступал к Казани. Затем, объехав Арское поле, был в крепости, обошёл её кругом и потом возвратился домой».

В третьем часу Пушкин отправился на обед к своему давнему приятелю Эрасту Петровичу Перцову, который проживал в Казани. Присутствовавший там младший брат Перцова Платон Петро-

вич, вспоминал: «Приехав на обед и раздевшись в передней, Пушкин хотел было войти в соседнюю столовую, но остановился, увидав, что она полна народу, попятился назад и настолько смутился, что попытался даже уехать. Оказалось, что, по условию с Эрастом Петровичем (вероятно, о котором они договорились на кануне 6 сентября) на обеде не должно было быть никого, кроме семейных, поэтому Пушкин приехал в домашнем костюме. Выяснив обстоятельства, Пушкин успокоился и вошёл в зал...». Обед состоялся в большом зале фамильного дома Перцовых, на Рыбнорядской улице (теперь ул. Пушкина, 15). Квартира размещалась на втором этаже, а окна выходили на Рыбную площадь, позже был достроен третий этаж.

На обеде у Перцовых, кроме его семьи, присутствовал Карл Фукс. Чтобы продолжить знакомство, ближе к вечеру они поехали к нему домой.

Александра Фукс пишет: «В шесть часов вечера мне сказали о приезде к нам Пушкина. Я встретила его в зале. Он взял дружески мою руку со следующими ласковыми словами: «Нам не нужно с вами рекомендоваться; музы нас познакомили заочно, а Боратынский ещё более».

Хозяева и знаменитый гость сели в гостиную, разговорились о Пугачёве.

Карл Фукс впоследствии вспоминал: «Я имел счастье видеть — этого знаменитого поэта в моём доме, и провести несколько приятнейших, незабвенных часов в беседе с ним. Он желал получить от меня некоторые сведения о пребывании Пугачёва в Казани; но я, никогда не занимаясь этим предметом, не мог в полной мере сделать ему удобное, однако ж передал всё, что знал до того времени. Его обязательная признательность, за такие маловажные услуги мои, заставила меня дать ему слово, заняться этим предметом серьёзнее; к сожалению, не имея довольно свободного времени, не мог я скоро исполнить желания незабвенного Пушкина... В примечании к VIII главе «Истории Пугачёва» Пушкин напишет: «Слышано

Дом Фукса, 1890-е. (Московская, 5)

мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же учёного, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных». Одно из известий, рассказанное Карлом Фуксом Пушкину, вошло в начало VIII главы «Истории Пугачёва». Оно о том, что во время казанского пожара к Пугачёву был приведён пастор реформатского исповедания. Пастор ожидал смерти, но Пугачёв узнал его: «Некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачёв получал от него милостыню». Поэтому милостиво приняв пастора, пожаловал его в свои полковники. Бедный немец должен был некоторое время сопровождать Пугачёва во время его бегства из-под Казани, но затем, сумев отстать от него, благополучно вернулся в город.

Александр Андреев не захотелось вмешиваться в их разговор, особенно при первом знакомстве. Попив чаю, Пушкин и Карл Фукс поехали к ка-

занскому купцу первой гильдии Леонтию Филипповичу Крупеникову (1754–1839). Его дом находился на улице Воскресенской, напротив Казанского университета, позднее на улице Ленина, 35 (снесён в 1976 году).

Семнадцатилетним юношей его захватили в плен пугачёвцы, поэтому он как очевидец мог сообщить немало любопытного. Но, к сожалению, ничего ценного для себя поэт из беседы не почерпнул. В отличие от встречи днём ранее, шестого сентября, в Суконной слободе с суконщиком Василием Петровичем Бабиным. Его рассказ, записанный на двух с половиной страницах мелким подчерком, в «Горловом кабаке» (теперь ул. Петербургская, 53/1) поэт почти дословно перенёс в VII главу «Истории Пугачёва», описывая осаду Казани пугачёвцами 12–15 июля 1774 года. Пробыв у Крупеникова часа полтора, Александр Сергеевич возвратился обратно в дом Фуксов. Александра Андреевна вспоминала, что у подъезда Пушкин благодарил её мужа: «Как вы добры, Карл Фё-

Александра Фукс. (Л. Крюков, 1828)

дорович, – сказал он, – как дружелюбно и приветливо принимаете нас, путешественников... Для чего вы это делаете? Вы теряете вашу приветливость понапрасну: вам из нас никто этим не заплатит. Мы так не поступаем; мы в Петербурге живём только для себя». Окончив говорить, он так сильно сжал руку моего мужа, что несколько дней на ней были знаки от его ногтей. Пушкин имел такие большие ногти, что мне, право, они показались не менее полувершка» (это примерно 2,22 сантиметров).

Не только Александра Фукс обратила внимание на ногти Пушкина. Пётр Петрович Перцов, племянник Эраста Перцова, вспоминал, что после обеда, во время игры в шахматы ещё один его дядя, 14-летний Александр Петрович, «смог вспомнить только огромный ноготь на пальце Пушкина, которым тот передвигал шахматные фигуры и который, видимо, запомнился как нечто ранее невиданное».

Эту особенность поэта подмечали многие, кто общался с ним. Русский писатель Иван Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» описывает слу-

чайную встречу с Александром Сергеевичем в книжном магазине на Невском проспекте: «Я преодолел робость, подошёл к прилавку, у которого Пушкин остановился, и начал внимательно рассматривать поэта. Прежде всего меня поразили огромные ногти Пушкина, походившие более на когти...». На счёт ногтей поэт был весьма чувствителен, отрачивал ногти и утверждал что: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Ухоженный маникюр Александра Сергеевича хорошо виден на его портрете работы художника Ореста Кипренского. В XIX веке длинные ногти были атрибутом красоты, признаком аристократического происхождения, это было модно. К слову, самый длинный ноготь был у поэта на мизинце правой руки, Пушкин безумно боялся ночью случайно сломать его – надевал на палец специальный футляр.

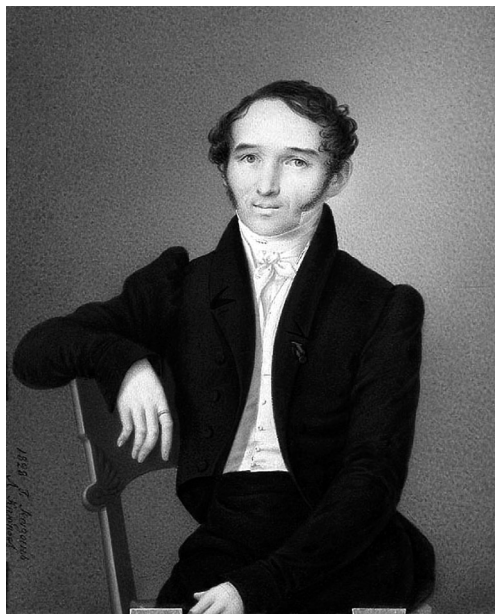
Рост Пушкина составлял 2 аршина 5 вершков с половиной (замерен художником Григорием Чернецовым 15 апреля 1832 года). Это 166,7 см, а внешность поэта, его живой и интересный портрет в своих воспоминаниях оставила помещица Лидия Петровна Никольская. Она встречалась с Пушкиным накануне его приезда в Казань, на обеде у нижегородского губернатора Михаила Петровича Бутурлина (1786–1860). «Немного смуглое лицо его было оригинально, но некрасиво: большой открытый лоб, длинный нос, толстые губы – вообще неправильные черты. Но что у него было великолепно – это тёмно-серые с синеватым отливом глаза – большие, ясные. Нельзя передать выражение этих глаз: какое-то жгучее и притом ласкающее, приятное. Я никогда не видела лица более выразительного: умное, доброе, энергичное. Он хорошо говорит: ах, сколько было ума и жизни в его искусственной речи! А какой он весёлый, любезный, прелестный! Этот дурняшка мог нравиться». Очевидно, именно таким его и запомнила Александра Фукс.

Александра Андреевна вспоминает в письме тот вечер 7 сентября, что вскоре после возвращения от Крупеникова её

мужа попросили срочно посетить одного больного. Карл Фёдорович хотел было отказаться, но Пушкин принудил его ехать, а они остались с поэтом вдвоём. Она вспоминает: «Признаюсь, не была этим довольна. Он тотчас заметил моё смущение и своею приветливою любезностью заставил меня с ним говорить, как с коротким знакомым. Мы сели в мой кабинет. Он просил показать ему стихи, писанные ко мне Боратынским, Языковым и Ознобишиным, читал их все сам вслух и очень хвалил стихи Языкова. Потом просил меня непременно прочитать стихи моего сочинения. Я прочла сказку “Жених”, и он, слушая меня, как бы, в самом деле, хорошего поэта, вероятно, из любезности несколько раз останавливал моё чтение похвалами, а иные стихи заставлял повторять, и прочитывал сам». Кстати, дамское бюро из кабинета Александры Фукс, за которым она читала стихи Пушкину, по счастливой случайности сохранилось и с 1970 года находится в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве.

Александра продолжала: «После чтения Пушкин начал меня расспрашивать о нашем семействе, о том, где я училась, кто были мои учителя, рассказывал мне о Петербурге, о тамошней рассеянной жизни, и несколько раз звал меня туда приехать: “Приезжайте, пожалуйста, приезжайте, я познакомлю с вами жену мою, поверьте, мы будем уметь отвечать вам на казанскую приветливость не петербургской благодарностью”. Потом разговоры наши были гораздо откровеннее, он много говорил о духе нынешнего времени, о его влиянии на литературу, о наших литераторах, о поэтах, о каждом из них сказал мне своё мнение».

«О, эта проза и стихи, — говорил Пушкин по воспоминаниям А. Фукс, — как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не был вынужден обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул перо в чернила». И наконец, прибавил: «Смотрите, сегодняшний вечер была моя исповедь; чтобы наши разговоры остались между нами».

Карл Фукс. (Л. Крюков, 1828)

Пушкин обладал странной чертой характера: о людях, с которыми встречался, порой говорил совершенно противоположные суждения. С визави общался деликатно, а за глаза говорил такое.... Мог язвительно высмеять даже друзей. Поэт знал за собой этот грешок и нередко раскаивался в своих опрометчивых высказываниях. Не миновала этого пушкинского «крена» и Александра Фукс. Через несколько дней, 12 сентября из Симбирска в письме своей жене Наталье Николаевне Пушкин сообщает: «Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной *bluestockings* («синему чулку»!...) — сорокалетней бабе с вощёными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести как ни в чём не бывало. Боратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил её красоту и гений. Я так и ждал, что принуждён буду ей написать в альбом — но Бог помиловал; однако она взяла мой адрес и страшает меня перепискою и приездом в Петербург, с чем тебя и по-

здравляю...» Зная отношение Пушкина к красивым и ухоженным ногам, ногти в грязи и заполненные воском промежутки недостающих зубов Александры Андреевны, очевидно, испортили мнение поэта о ней. А ведь за несколько дней до этого сам говорил писательнице лестные слова и приглашал приехать в Петербург. Далее он пишет о Карле Фуксе: «... Муж её — умный и учёный немец, в неё влюблен и в изумлении от её гения, однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился...»

Из воспоминаний Александры Фукс известно, что происходило дальше в тот вечер: «Мой муж и Перцов приехали уже в десять часов, нашли нас в дружеской беседе, Пушкин, без оговорок, несмотря на то, что располагался до света ехать, остался у нас ужинать, и за столом сел подле меня. В продолжение ужина разговор был о магнетизме. Карл Фёдорович не верит ему, потому что очень учён, а я не верю, потому что ничего тут не понимаю. Пушкин старался всевозможными доказательствами нас уверить в истине магнетизма. «Испытайте, — говорил он мне, — когда вы будете в большом обществе, выберите из них одного человека, вовсе вам не знакомого, который сидел бы к вам даже спиной, устремите на него все ваши мысли, пожелайте, чтобы незнакомец обратил на вас внимание, но пожелайте сильно, всею вашею душою, и вы увидите, что незнакомый, как бы невольно, оборотится и будет на вас смотреть...»

Александр Фукс удивило суеверие такого образованного человека. Возможно, веру в магнетизм усилила встреча Пушкина с известной гадалкой Александрой Киргоф. Вот что он рассказывал об их встрече в доме Фуксов: «Вам, может быть, покажется удивительным, что я верю многому невероятному и непостижимому; быть так суеверным заставил меня один случай. Раз, пошёл я с Никитой Всеволожским (1799—1862) ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадалщице (знаменитая в те времена гадалка немецкого происхождения Александра

Кирхгоф). Мы просили её погадать и, не говоря о прошедшем, сказать будущее. «Вы, сказала она мне, на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место; потом, в скором времени, получите через письмо неожиданные деньги; а третье, я должна вам сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью»... Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании, и о гадалщице. Но, спустя недели две после этого предсказания, и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче и перешёл служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве, уверяя меня, что Цесаревич этого желает. Вот первый раз после гаданья, когда я вспомнил о гадалщице. Через несколько дней после встречи со знакомым, я в самом деле получил с почты письмо с деньгами; и мог ли ожидать их? Эти деньги прислал мой лицейский товарищ, с которым мы, бывши ещё учениками, играли в карты, и я его обыграл. Он, получив после умершего отца наследство, прислал мне долг, который я не только не ожидал, но и забыл о нём. Теперь надо сбыться третьему предсказанию, и я в этом совершенно уверен»... В 1836 году Павел Нащокин подарил Пушкину «кольцо с бирюзой от насильственной смерти. Но этот талисман не спас поэта: по свидетельству Данзаса, он не имел его во время дуэли.

Пробыл в гостях у Фуксов Пушкин до часу ночи, а через несколько часов, под утро 08 сентября, перед самым отъездом из Казани (выехал предположительно в 5 часов утра), поэт написал два небольших письма. Александр Фукс: «Милостивая Государыня, Александра Андреевна! С сердечной благодарностью посылаю Вам мой адрес и надеюсь, что обещание Ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите, м. г., изъявление моей глубокой признательности за

Бывший Горлов кабак. (Петербургская, 53/1)

ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное пребывание его в Казани». Рано утром приехал из Каймар, в усадьбу Энгельгардта, Евгений Боратынский, чтобы проститься с отъезжающим другом. При расставании Пушкин подарил ему свой портрет работы художника Ж. Вивьена (карандаш, 1826–1827) в небольшой рамке, сделанной самим поэтом. Этот портрет хранится сегодня во Всероссийском музее А. С. Пушкина. Во втором письме, написанном супруге Наталье Николаевне, поэт подводил итог своим «казанским» впечатлениям и именно в нём он упоминает о встрече с Баратынским: «Мой ангел, здравствуй. Я в Казани с пятого, и до сих пор не имел время тебе написать слова. Сейчас еду в Симбирск, где надеюсь найти от тебя письмо. Здесь я возился со стариками, современниками моего героя, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону. Погода стоит прекрасная, чтоб не сглазить только. Надеюсь до дождей объехать всё, что предполагал видеть, а в конце сентября быть в де-

ревне.... Здесь Баратынский. Вот он ко мне входит. До Симбирска. Я буду говорить тебе о Казани подробно – теперь некогда. Целую тебя».

Рассказал ли Пушкин своей супруге подробно, но своими глазами Наталья Николаевна Гончарова-Ланская (1812–1863) увидела Казань в сентябре 1855 года. Приезжала она со своим мужем Петром Ланским (1799–1877), за которого после семи лет вдовства вышла замуж. Впервые известно об этом стало из семейного предания Боратынских. Правнучка Евгения Боратынского Наталья Константиновна вспоминала: «Вдова поэта была в Казани у Боратынских на обеде в честь её приезда. Принимала дорогую гостью в своём доме Зинаида Евгеньевна Геркен, дочь поэта. Во время обеда говорили о трагических событиях 1837 года. Останавливалась Наталья Николаевна у Ираклия Абрамовича Боратынского». Ещё одно упоминание о приезде Натальи Николаевны в Казань нашлось в Институте Русской Литературы (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге. В архиве казанского краеведа Николая Агафонова записано: «В пятидесятых годах Наталья Ни-

колаевна Ланская (Пушкина) приезжала по какому-то делу в Казань, и здесь, на бале в Родионовском институте, некоторые любители русской литературы имели случай представиться ей в качестве почитателей памяти и таланта её первого мужа».

Причиной приезда Натальи Николаевны в Казань в сентябре 1855 года послужила командировка её мужа, генерал-адъютанта Петра Петровича Ланского, в Вятку, которого она сопровождала. Супруги заехали в Казань и остановились у своих знакомых в доме Казанского губернатора Ираклия Абрамовича Боратынского, (родного брата поэта Евгения Боратынского 1802–1859) и его жены Анны Давидовны (теперь Территория Казанского Кремля, 1). Петру Петровичу нужно было решить вопросы, связанные с ополчением для пополнения действующей армии, чем он должен был заниматься в Вятке. Наталья Николаевна была знакома с Анной Давидовной, встречалась в Санкт-Петербурге на балах и светских раутах. После их свадьбы с Ираклием Абрамовичем в 1835 году бывали у них в гостях с Александром Сергеевичем. В один из дней, проведённых в Казани, Наталья Николаевна побывала в доме Боратынских, на Грузинской улице, где 22 года назад останавливался Александр Пушкин. На обеде кроме хозяйки Анастасии Львовны присутствовали её дети. В спокойной обстановке вспоминали прошлое, говорили о Пушкине...

Посетила Наталья Ланская Родионовский институт (сейчас ул. Л. Толстого, 14). Начальница института Екатерина Дмитриевна Загоскина оказала Наталье Николаевне тёплый дружеский прием. Вечерний бал был неофициальным, присутствовали только постоянные посетители и воспитанники института, звучала музыка...

Создателю музея поэта Евгения Боратынского в Казани, Вере Георгиевне Загвозкиной, удалось выяснить, что именно по пути в Вятку Наталья Николаевна посетила Казань. В своей книге «Литературные тропы: поиски, встречи,

находки» Вера Георгиевна приводит сведения об этом событии. Но точная дата приезда Натальи Николаевны в Казань и сколько дней она пробыла в нашем городе, до сих пор остаётся тайной. Известно несколько сентябрьских дней, в один из которых Ланские могли выехать из Казани. В официально выходившей газете «Казанские губернские ведомости» печатались списки людей, приехавших в город и выехавших из него. В таком списке с 21 по 28 сентября 1855 года, среди выехавших из Казани в Вятку, значился генерал-адъютант Ланской, инициалы которого указаны не были.

Но недавно в вятском архиве обнаружили письмо от некоего Петра Ланского из Вятки, своему родственнику в Санкт-Петербург назначенному министром внутренних дел Сергею Степановичу Ланскому. Становится понятно, что данное письмо написано именно тем самым Ланским, о котором писали «Казанские губернские ведомости». Вот выдержка из этого письма:

«14 октября 1855 г. конфиденциально. Милостивый государь Сергей Степанович! По прибытии моём в Вятку для исполнения высочайше возложенного на меня поручения я встретил там советника Вятского губернского правления надворного советника Салтыкова, о котором общая молва говорит как о человеке самых лестных правил, самого благородного образа мыслей и поведения безукоризненного... а потому я осмеливаюсь усерднейше просить Ваше Высокопревосходительство обратить милостивое внимание на несчастную судьбу надворного советника Салтыкова и не лишить ходатайства о даровании ему всемилостивейшего прощения, дозволив ему служить, где пожелает. Покорный слуга Пётр Ланской».

Речь в письме идёт о русском писателе Михаиле Евграфовиче Салтыкове-Щедрине (в то время Салтыкове), который с 1848 года, почти восемь лет находился в Вятской ссылке. Как сказал царь Николая I о повестях Салтыкова: за «...вредный образ мыслей и пагубное

стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие». Как видно по дате написания письма, к этому времени Ланские уже успели обжиться в Вятке, встретиться с Михаилом Салтыковым и попытались оказать ему помощь.

С начала 50-х годов здоровье Натальи Николаевны стало медленно, но неуклонно ухудшаться. Знаменитая красота её в те годы уже поблёкла, ей 43 года, у неё семеро детей. Сохранились описания внешности Натальи Ланской в поездке проездом через Казань. Протоиерей Иоанн Васильевич Куртиев, видевший Наталью Николаевну в Слободском (недалеко от г. Вятки), где её муж проводил смотр ополченской дружины в своём дневнике пишет: «Теперьшняя супруга Ланского, была прежде женою поэта Пушкина. Дама довольно высокая и стройная, но пожилая; лицо бледное, нос приятною миною. По отзыву нашего архиерея (Елпидифора), дама умная, скромная и деликатная, в разговоре весьма находчива». (7 ноября 1855 года.)

В трудах учёного-историка, краеведа Лидии Николаевны Спасской сохранилось напечатанное воспоминание её отца доктора Николая Ионина, лечившего Наталью Николаевну в Вятке. Вот как она записала воспоминания своего отца:

«В высшей степени заинтересованный своей пациенткой, сыгравшей роковую роль в жизни боготворимого

им гениального человека, отец мой поспешил на её приглашение и говорил, что с волнением вошёл в комнату больной, заранее рисуя её в воображении самыми привлекательными красками, как избранницу великого человека. Однако свидание разочаровало его... От её некогда знаменитой красоты сохранилось мало следов. Наталья Николаевна была чрезвычайно высока ростом: немногие мужчины были выше её, между тем голову она имела очень небольшую, что при гладких тогдашних причёсках очень портило впечатление. В молодости, когда она носила букли, этот недостаток был, вероятно, незаметен. Цвет лица она имела очень белый, волосы тёмные, но не чёрные, черты лица тонкие; синие глаза вблизи были прекрасны, но разделялись друг от друга очень маленьким расстоянием, что издали производило впечатление косины. Отец скоро вылечил Наталью Николаевну, и она всегда при встречах с ним была очень любезна и много раз выражала благодарность... В обращении Наталья Николаевна производила самое приятное впечатление сердечной, доброй и ласковой женщины и обнаруживала в полной мере тот простой, милый аристократический тон, который так ценил в ней Пушкин».

...Творец

Тебя мне ниспослал, тебя,

моя Мадонна,

Чистейшей прелести

чистейший образец.